

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ,
С ЭПИЛОГОМ

*Только бы жить, жить и жить!
Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда!
Господи, какая правда! Подлец человек!
И подлец тот, кто его за это подлецом называет.*

Ф.М. Достоевский.
«Преступление и наказание»

Часть первая

PRO

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Силов устал жить. Это он сам сказал: «Устал, блин... Устал жить». Ну, не совсем, конечно, устал... До этого он еще не додумался — рановато, видимо. А просто устал — и все.

Случилось это не в одно мгновение. Да такого и быть не может — бац, и сразу устал. Все это происходило постепенно, медленно, сразу и не заметишь. Год назад или около этого Силову вдруг захотелось стать новым русским. Новым беззаботным русским, как он это понимал. Новые русские давно уже кончились, но понятие это еще было живо и даже употребимо в специальных разговорах. Когда на кухне совершенно неожиданно, но очень естественно речь заходила о жизни, о смысле ее, то есть обо всем таком, ради чего специально-то и не соберешь людей...

Решив стать новым русским, Силов первым делом обновил жену. Прежнюю, Людмилу, он оставил в квартире с маленьким балконом, двумя детьми, мебелью, велосипедом и кошкой Тиной. С собой он взял только личные вещи, телевизор и машину. Машина, впрочем, и не обсуждалась — на ней, кроме Силова, и ездить никто не мог — рухлядь праворульная. Да и ушел он не как в кино показывают — хлопнув две-

рю — нет! Жена высказалась просто и коротко: «Вали-ка ты, Силов, и без тебя проживем...»

Силов и свалил. В маленькую квартиру, оставшуюся после матери, которую уже месяца три как не могли сдать — желающих не было. Квартира была крохотная, но зато обжитая. Там он принимал молоденькую Лизу, педикюршу из «Дома красоты» — свою новую жену, не расписанную пока еще с ним, но уже готовую к этому. Регистрация брака была назначена на ближайшую пятницу и прошла тихо для всех, включая и молодоженов. У Лизы было огромное достоинство перед Людмилой — она была моложе лет на двадцать. Если не больше. Внешне уж точно больше. Это преимущество сыграло огромную роль — рядом с Лизой Силов чувствовал себя богатой личностью. Нет, она совсем не была куклой. Но разница в опыте сказывалась, к тому же Лиза выросла без отца, и ей совсем не хотелось быть главной, сильной, похожей на свою мать женщиной. Ей очень хотелось быть маленькой, послушной, даже чересчур послушной. Это Силова привлекало — он с удовольствием играл в командира, хозяина, начальника, отца... И чем больше он был безапелляционным, тем сильнее Лиза погружалась в то интимное послушание, которое доводит мужчин до тихой бешеной радости — Силов не стеснялся ни одного своего мужского желания. Попробовав все, или почти все, что только было возможно в его фантазиях, он остановился на безобидном телевизоре с утренними развлечениями для домохозяек. Для этого он специально просыпался на полчаса-час раньше, выпивал стакан воды и включал телевизор. Найдя программу, которая его не раздра-

жала, Сиров ложился снова в кровать, закуривал, делал две затяжки, поскольку девушка не выносила табачного дыма, тушил сигарету и молча будил Лизу. Новая жена, не открывая глаз, прижималась к Сирову и медленно губами проверяла каждую клеточку его тела. Делала она это уверенно и спокойно. Сиров иногда приподнимал голову и смотрел на Лизу: та была занята своим делом и совсем не реагировала на проверочные поглаживания. Для нее существовало только одно — она сама и ее ласка. Но Виктор чувствовал больше, чем какое-то там наслаждение. Лиза была скрипкой, которая могла играть сама по себе — если слышать эту музыку, а Сиров слышал. Появлялось еще одно (да и не одно) чувство вдохновенного секса. Не секса потного, утробного, дышащего или даже стонущего, нет. Секса тихого, когда тело находится в каком-то облаке, а сознание только фиксирует это и остается свободным — музыка гуляет по всему человеку-мужчине. Музыка, которая никогда и никем не была написана. Она принадлежала только Сирову и той скрипке, которая не понимала, какой же она все-таки инструмент.

Прежняя, Людмила, никогда не была ничем тонким или музыкальным, если уж и сравнить ее с Лизой, то, кроме ритмичного «ум-ца-ца, ум-ца-ца», ничего Людмилу с музыкой не связывало. Она была прекрасной хозяйкой, товарищем, матерью и так далее... мелодии в ней не было. В Лизе же не было никакой хозяйки — была сама Лиза-скрипка, и все. Это и делало Сирова счастливым.

Неожиданно для самого себя он тоже пристрастился к подобным ласкам. Просто уходил в себя —

«улетал», как он однажды высказался. В такие минуты-часы его ничего не тревожило — ни жизнь, ни работа, ни деньги... Он иногда даже вспоминал «живите, как птицы», но потом сам же и стеснялся этого воспоминания; уж больно некстати оно приходило. Сиров гнал от себя эту цитату и, чтобы отвлечься, начинал думать о работе. Это уже не мешало заниматься тем же, чем увлекалась и Лиза по утрам под сигаретный дым и щебетанье из телевизора.

Сиров служил в местном музыкальном театре дирижером. Радости это особой не приносило. Небольшая зарплата, три-четыре занятых вечера в неделю, и все. Ну, еще два раза в год утренние репетиции по полтора месяца. Сам театр обслуживал директрису, ее амбиции и пионерско-комсомольские, от прошлой должности, ценности. Иногда театр прогибался и под художественного руководителя-режиссера, но под Синова — никогда. Эти две сволочи — худрук и директриса — съедали Синова в пять минут, он плелся домой или в ресторан Дома актера залить огонь недовольства маленькой рюмочкой коньяка и полулитровой кружкой местного пивка с неизменной селедкой под шубой, которую подавали в квадратной формочке, укрытой пленкой...

Оркестрантов и тем более оркестранток он интеллигентно ненавидел. Даже в мгновения собственных срывов Сиров молча останавливал оркестр и после продолжительного взгляда произносил просто и негромко: «Тут диез, мужчина-музыкант...» Разговаривать подробнее или даже крикнуть ему было презрительно противно. Еще в консерватории, студентом,

он распознал эту касту — будущих музыкантов оркестра. Абсолютно без амбиций, скрипачи-валторнисты ходили на все лекции и тупо слушали, иногда даже очень увлеченных, преподавателей. После обеда начинались профессиональные пары, и три-четыре часа все эти маэстро выводили хором музыку, которая в партитуре звучала иначе — там она звучала божественно. А молодой Силов запирался у себя в общежитии с талмудом нот и погружался в мир, который был слышен только ему. Вот в такие минуты, которые давно уже прошли и практически бесследно, вот в такие минуты юный Силов был красив, невесом и предельно художественен. Музыка он понимал биологически, изнутри, без всякой логики и эмоционального объяснения ее — он ее слышал, и все.

Театр расставил все на свои места — если исключить оркестр и вокалистов, то в нем служили и не бездарные люди — худрук, директриса, заведующий музыкальной частью, старший машинист сцены... Особенно главный хормейстер — это была милая женщина шестидесяти лет, ухоженная, красивая, маленькая, предельно образованная и тихая. Звали ее в театре Полпорции, скорее всего, за миниатюрность. Она была единственной в театре, кто понимал дирижерство. Силов ей доверял — забегал в кабинет к ней, получал конфетку и коньячок, молчал и тихо отпотевал душой.

Были, были в театре люди, были... Но какая-то заноза угнетала этих людей: публика, министерство, безденежье, репертуар, наполовину урезанный — на полный оркестр денег не хватало. Мечта продирижировать оркестром в сто человек иссякла давно — на улице Силов уже ничем не отличался от рядом идущих.

щих на производство людей. Разве что поток на фабрике был активен в те часы, когда он еще спал. В его же время улица была поразноцветнее, но не больше.

Виктор, а Силов был Виктором, частенько сходил с тропы на работу и садился на скамейку анализировать движение себе подобных. Скорее всего, именно в такие смотрины и стало приходить сознание: «Блин, устал...» Или, что было уже точно процитировано: «Устал, блин... Устал жить».

II

Лизины утренние программы делали для Силова главное: театральная тоска уходила на дальний план, а то и вовсе исчезала. Вечерами Лиза работала допоздна, а Виктор умудрялся в это же время дирижировать «инвалидами с инструментами», как он выражался внутри себя, и одновременно слышать ту музыку, что была зафиксирована типографией в партитуре. После спектакля он шел в Дом актера, где традиционно пил пиво с селедкой под шубой и уже под занавес хлопал рюмку коньяка, которую приносили с самого начала. Коньяк, совсем немного коньяка, был кодой еще одного дня. Если же в ресторан заходили артисты по случаю премьеры или дня рождения, то Силов сидел дольше и слушал под караоке любимые песни народа — тут дарование вокалистов оказывалось на месте... Очарование простой историей и совсем банальной гармонией доводило поющего до настоящего чувства — у певца слезы текли, голос вздрагивал в нужный момент. Посетители слушали — мир, казалось, идеален и вечен. Верди, люби-

мый Верди исчезал из Силова, но Виктор и не сопротивлялся. Невозможно сопротивляться искреннему, пусть даже предельно избитому ощущению сентиментальности человеческой судьбы... Но как только смолкало народное и искреннее, возвращался Верди, укоризной смотрел на Силова, который уже шел домой с очередной порцией усталости...

Дома, выпив кофе, ложился спать. Это было традицией — кофе на ночь. Лиза еще работала — мало кого интересовал театр, больше заботились о внешнем виде. Виктор засыпал быстро — ворочался минуты три, не больше. Поза выбиралась тщательно: поняв, что так не заснет, Сиров поворачивался и проверял следующее положение. Три-четыре раза повертевшись, он засыпал крепко и мгновенно.

Часа через два он просыпался — первый сон от пива и коньяка отпускал дирижера, и Виктор несколько минут лежал с полуоткрытыми глазами. Он наблюдал за Лизой, которая смотрела ужастики — телевидение не показывало ничего в это время, — поэтому девушка приспособилась отыскивать в Интернете фильмы со всякими вурдалаками и маньяками и смотрела их через ноутбук. Почему ее интересовали эти кровожадные монстры, Виктор не понимал. Он просто наблюдал за ней. Лиза сидела на краешке кровати в мужской рубашке, Сиров сразу же повыкидывал все ночнушки жены, и вздрагивала при каждом долби-звукe, тихо-тихо улыбалась сама себе.

Виктор молча забирал пульт из рук Лизы и выключал телевизор. Девушка забиралась под одеяло, но так, чтобы рассмотреть или, по крайней мере, услышать конец фильма, который продолжал шоки-

ровать ночную комнату уже из ноутбука. Поэтому очки она не снимала, а Виктору это очень нравилось. Он не мешал Лизе — у него было свое развлечение. Расстегнув рубашку, Сиров превращал Лизу в любимый гаджет, который не выпускают из рук. У него были любимые места, и он даже сознательно обходил их стороной, оставляя на самое вкусное. В его движениях был какой-то сложный ритм — губы и пальцы двигались в такт музыке — он «дирижировал» свое самое сокровенное... Так Виктор засыпал во второй раз, и теперь уже до самого утра.

III

Все-таки беззаботность дирижера не привела его к бессмысленному спокойствию и взгляду на жизнь от имени нового русского. Виктор все чаще и чаще безразлично смотрел на новую жену — спасение ее молодости превращалось в обыденность. Лиза жила тихо, безропотно — она и не была женой Силову в прямом смысле этого слова. Не скандалила, не командовала, не старалась создать очаг — очарование у Силова прошло. Надоела, что ли, игрушка... Что делать дальше — он не знал. Лиза же приняла эту растерянность мужа как закон — стойко, спокойно. Иногда, когда Виктор неожиданно возвращался к мужскому интересу, Лиза отзывалась мгновенно и качественно. Можно сказать, что она могла бы стать мечтой любого мужчины — применение себя в любом качестве девушка принимала как само собой разумеющееся. Она была музыкой... Прекрасной, страстной, высокой и неземной — она не давалась простой разгадке...

Это и выбило Силова: сам того не подозревая, он ожидал от Лизы еще чего-то. Чего-то такого, что отбило бы у него охоту размышлять о своей усталости. Подсказывать он не собирался, даже не думал об этом — скорее всего, сам не осознавал, что же он хочет от Лизы... А Лиза, как это уже стало понятно, и не собиралась менять мир мужа в своем понимании. Было ли это понимание у нее или не было вовсе — неизвестно.

А тут еще подоспел праздник — пятидесятилетний юбилей. В театре после спектакля, уже на поклоне, вышла администраторша с букетом цветов в корзинке, и по трансляции, и в зрительном зале, пронеслось:

— Сегодня коллектив театра поздравляет нашего любимого дирижера с юбилеем и желает ему дальнейшего творческого успеха и процветания!

Голос актера, который перед каждым спектаклем просил зрителей отключить мобильные телефоны, теперь не сильно изменился в поздравлении, просто от сути самого объявления аплодисменты в зале слегка усилились и тут же стихли, как только Силов, откланявшись трижды, нырнул в свою яму. Там уже было пусто, и только худенькая скрипачка все еще собирала свои ноты:

— Поздравляю, Виктор Викторович...

У гримерки стояла директриса, покрытая аллергенными пятнами и напоминающая перезревшую помидорку, с конвертом в руках.

— Это вам, маэстро, от администрации театра. Немного, конечно, но профком дал добро на повышенную сумму. Так что поздравляю вас, Виктор Викторович, вы еще у нас очень ого-го! Так держать...

В гримерке уже звенел мобильный, и Сиров скрылся за дверью. Звонил худрук с предложением заглянуть к нему в кабинет: «Так сказать, по приятному случаю». Виктор переоделся — снял фрак и поменял его на черную майку... Все, что не имело воротника, идеально подходило Сирову — майки, гимнастерки, френчи. На гримерном столике вставленная в зеркало фотография десятилетней давности тоже демонстрировала поразительную гармонию Виктора и френча. Сиров посмотрел на карточку: черный ежик — это единственное, что отличало фотографию от отражения в зеркале. Нет, ежик был прежним, но сейчас он был уже не черным, а, как принято говорить в среде владельцев шнауцеров, перец с солью. И, черт возьми, это было красиво, словно талантливый художник рассыпал ртуть по темному ворсу... Все остальное, как и десять лет назад: ямочки на щеках, легкий квадрат скул, взгляд. Даже три морщины, пересекающие лоб, остались теми же. Время не трогало Сирова. Ежик не в счет — он просто стал красивее... Виктор вспомнил, что сегодня все-таки юбилей, и поменял майку на черную рубашку, которая висела в гримерной на разные случаи жизни. В рубашке он тоже был хорош.

В кабинете, кроме худрука, никого не было, но на столе стояли два бокала и тарелка с конфетами. Сам худрук, согнувшись, вытаскивал из нижнего ящика стола початую бутылку коньяка.

— Витя, проходи... Давай, по слегка, за твои молодые годы. Будь здоров и приноси пользу волшебному миру музыки театра.

Выпили и даже покурили, стоя у окна. Обсудили беременную арфу, которую увезли в роддом и больше в городе нет никого. И где брать, непонятно. Тащить откуда-то — на такую зарплату!.. Еще раз выпили — город за окном постепенно замирал, мигая на прощание светофорами. Худрук еще что-то говорил о планах на сезон, Виктор кивал и даже реагировал, более-менее, в такт смыслу того, что называлось планами... Будет прекрасная современная вещь талантливого питерского композитора, будет детское название и, конечно же, песни прошлого — классика и эстрада. Все это у худрука уже собрано, сценарий почти готов — будет бомба, и народ повалит. Дирижировать песни Силову никак не хотелось, но высказаться вслух об этом ему хотелось еще меньше...

Худрук говорил, город остывал, а Виктор был уже в своих мыслях, в старых знакомых мыслях, которые давно появились и которые только на время попрятались — когда появилась игрушка Лиза...

В общем, Силов устал. И сейчас он плелся в Дом актера за своей селедкой под шубой... Ресторан уже не гудел, но и закрываться не собирался. К этому времени артисты, прочие лица художественности уже исчезали в большинстве своем, появлялись же, как метко сказано кем-то, «кто-то из публики». Эти «кто-то из публики» забредали сюда только потому, что приличные рестораны уже закрывались, а догулять очень хотелось. Ресторан Дома актера на этом и держался: демократичное обслуживание, цены, не закрывались почти до отбоя — публика его любила. Тут можно было раствориться или, совсем наоборот, оказаться всеобщим любимцем вечера.

Виктор расположился почти в центре: его любимое место у пальмы было занято «кем-то из публики», у которой своего места тут никогда не было, да и быть не могло. В такие часы сюда приходили впервые и на один раз. Приходили допить и договорить, а больше от ресторана в этом состоянии и не требовалось...

Силов дождался официантку Лиду и заказал целую бутылку коньяка. Официантка была огромного роста, почти с баскетболистку.

— Случилось что, Витя Витевич? — С Лидой он был знаком уже лет пять, а то и шесть.

— Случилось, только давно уже... Пятьдесят лет назад.

— Ни фига се! Я думала, тебе лет сорок, ну — сорок два... Поздравляю! Так и быть, лимон от заведения... Есть будешь что? Все-таки бутылка!

— Лимон... от заведения буду.

Лида ушла, и Силов вдруг понял, что на этом месте в центре зала он совсем не сможет покурить. А там, на его привычном месте, под пальмами можно было укрыться и, приоткрыв окно, тихонько подышать, не напрягая ни посетителей, ни завсегдатаев, ни официальных лиц. Виктор осмотрелся — на его месте сидел мужичок «из публики», круглым лицом уставившись в телефон. Красная мордень блестела у самого носа синим сиянием экрана смартфона. Мужик, не мигая, смотрел на этот экран, изредка двигая по нему пальцем. Иногда он вертел телефоном, как это делают в тех случаях, когда рассматривают горизонтальные фотографии во весь экран. Мобильник был приставлен к тарелке, так удобнее смотреть: на

тарелке лежали остатки салата и кусок хлеба. Трехсотграммовый графин был пуст. Мужчина давно поел и теперь просто развлекал себя соцсетями — другой версии Силов не придумал. Он особо и не старался: ему было обидно, что этот круглолицый занял его место без всякой на то надобности, и ему, Силову, теперь придется выходить на улицу с каждой сигаретой... И это в свой юбилей!

Лида принесла коньяк, лимон и зачем-то еще сыра, нарезанного кубиками.

— Закуси хоть немного. С бутылки знаешь что утром будет? А случись что — и вечером начнется...

Силов улыбнулся и потянул Лиду за рукав:

— Лида, пересаживай меня на мое место, а этого мужичка сюда! Ему все равно, а я пыхну втихомолку...

Лида пошла узнавать. Мужчина встрепенулся и торопливо и даже пугливо прикрыл телефон обеими руками. Официантка что-то говорила ему, показывая на Силова, мужчина слушал внимательно, продолжая сидеть как прилежный школьник за партой. Лида замолчала — мужичок не отвечал, красное лицо не выдавало ни одной мысли. Он просто смотрел на официантку. Выждав паузу, она еще раз повторила свою просьбу, повторила и движения рук в сторону Силова. Мужчина молчал... Лида пошла к себе в закулисы ресторана, попутно выразительно пожав плечами, глядя на Виктора. Кругло- и краснолицый перевернул телефон, сунул его во внутренний карман пиджака, подтянул к себе тарелку, рюмку, пустой графин, шумно встал и пошел к Силову. У столика Виктора покрутил тарелкой вокруг графина — знак был достаточно ясен: меняемся...

Силов поднялся, буркнул: «Спасибо», взял свою бутылку с коньяком и грамм сто вылил в графинчик «кого-то из публики». Тот ничего не сказал и, кажется, даже внимания не обратил. Но Виктора это не интересовало. Перебравшись на свое законное место, он выпил, предварительно подержав перед лицом бокал, развернул немного пальму, спрятал лицо за листья и закурил, стряхивая пепел в цветочную кадку. Настроение улучшилось... Легкое возбуждение самоуверенности проскочило по телу Силова — стало необъяснимо легко и безответственно.

Приоткрыв мутное от пыли-грязи окно, Виктор смотрел в черную с огнями улицу. Красный и зеленый глаз светофора уже сменился на ядовито мигающий желтый, и только синехолодные миндалины уличных фонарей разбавляли эту черно-желтую саламандру — улицу. Силов затаился и выставил рот с дымом в щель окна... М-да, полтинник...

Он не пугался своей мысли, нет. Никакого полтинника Виктор не чувствовал. Устал же он не от своего возраста, а от вынужденного смирения прожившего человека перед фактом: ни одна минута не соответствовала тому, что принято называть полноценной жизнью.

Силов знал, что жизнь устроена по каким-то законам, которые и делают саму эту жизнь невыносимой. Когда-то в детстве, в советские и перестроечные школьные годы, когда еще изучали диалектический материализм, учительница заставляла читать «Капитал» Маркса. Советская фанатичка была умна, остроумна, что магически действовало на школьников: все без исключения отчитывались учительнице зна-

нием «Капитала». Юный Силов, как и все, читал этот «Капитал», ничего не понимая, ничего и не пытаясь понять — он просто читал и все. Два раза в неделю урок обществоведения проходил в отчаянных попытках юных людей рассказать ту или иную главу идиотской книги. Фанатичка комментировала через каждое предложение — пытка добиралась и до тех, кто просто слушал. «Что имеется в виду?» — кричала учительница и пальцем указывала жертву своего вопроса.

Силов читал и читал — до потери всякого взаимодействия с реальностью. Он не понимал ничего, но страх перед пыткой заставлял его перечитывать еще и еще раз... Однажды он прочел фразу, которую вспомнил сейчас, сидя под пальмой и которую тогда юный Силов вдруг почувствовал как самое важное из всего ужасного текста Маркса. Фраза была простой и на протяжении жизни слышалась часто по поводу или без него — просто звучала как магическая формула непонятного или неприятного. «Единство и борьба противоположностей!» Вот она, сука-фраза-мысль, которая, как потом выяснилось, определяла смысл и назначала суть жизни!

Почему это сейчас вспомнилось Силону? Уж не потому ли, что тогда, тридцать пять лет назад, это единство взорвало все, что находилось в голове пятнадцатилетнего, испуганного фанатичкой мальчишки. Как это? Единство противоположностей! Как это? Борьба этого единства! Ни тогда, ни сейчас Виктор не понимал казуистики этого выражения. Но позже он догадался, что именно в нем, в этом выражении, заключено что-то настоящее. Такое настоящее, которому невозможно сопротивляться. Силов не сопротивлялся: в юности — по причине отсутствия

хоть малейшего понимания важности вопроса, а сейчас — в силу осознанного несогласия: уж не считать ли единством директрису и себя, чтобы потом в этом разбираться и еще бороться?

Сейчас, вливая в себя коньяк, он знал, что еще совсем молод, жаден и ненасытен... И весь процесс одинокого юбилея под пальмой такой получился только потому, что ему уже пятьдесят, потому что уже существует усталый театр в голове и в оркестровой яме, потому что ничего не хочется, кроме жажды чего-то хотеть...

Но, как это ни странно, общечеловеческое страдание не давило на Силова — он тихо улыбался самому себе и с удовольствием рассматривал улицу, вслушивался в караоке нетрезвых певцов — ничего его не раздражало, не пугало, не давило. Ему хотелось принять все это однажды и разом — принять так, как это есть, и оказаться в абсолютном единстве с этой противоположностью. Силлов даже положил себе с завтрашнего дня принимать все, что происходит с ним, — принимать с радостью в этом идиотском единстве противоположностей и без всякой борьбы.

Выкопав другим концом вилки в пальмовой кадке ямку для окурка, он похоронил в ней свою усталость, хандру, новорусскость. Тщательно засыпав окурком, Виктор Силлов, почти счастливый Виктор Силлов, потянулся за коньяком и оглядел ресторанный зал...

IV

Перед ним сидел тот самый круглолицый и что-то говорил. В своих новых и розовых соображениях Виктор не слышал его голоса, не заметил самого

мужчины, давно сидящего рядом. Силов даже вздрогнул... Мужик виновато улыбнулся и стал показывать под стол. Даже сам согнулся всем грузным телом, чтобы удостовериться — правильно ли он показывает. Под столом лежал выдавший виды портфель, в прошлом шикарный, на двух ременных застёжках, с накладными карманами. Сейчас же, потертый временем и давками в транспорте, он лежал на полу, прислонившись к ножке стола, — лежал, безропотно дожидаясь своего хозяина. Несмотря на свое высокое происхождение, сегодня портфель мог вызвать даже некоторую брезгливость — интереса к нему проявить было невозможно ни при каких обстоятельствах.

— Извините, я хотел бы забрать свой портфель, — мужчина наконец-то объяснил свое появление за столиком Силова.

Виктор тоже заглянул под стол: «Забирайте!» Он все еще сидел в некотором оцепенении — неожиданное появление мужчины у своего столика сбивало Силова с тех прекрасных мыслей, которыми он уже полчаса наполнял себя, устраивая новую и беззаботную жизнь.

— Выпьем? — Предложение круглолицего было настолько искренним, что Силов с радостью согласился. Вот она — эта новая реальность, которую надо принять, полюбить и жить в ней, как рыба в воде!

В графине мужчины была водка, и Виктор налил себе коньяку из своей бутылки. Предложил коньяк и собеседнику — тот согласился, и Силов налил в рюмку красномордого коньяку. Молча чокнулись, одним глотком каждый вылил в себя коньяк, после чего сосед, налив в опустевшую рюмку водки, также

одним глотком проглотил и ее чуть ли не вместе с рюмкой.

— Коньяк люблю, но послевкусие не могу вытерпеть. Водка лучше...

— Больше не наливаю, — Сиров удивился такому организму круглолицего.

— Николай!

— Виктор Сиров, — по давно уже затвердевшей привычке ответил Виктор и протянул руку.

Рука любителя запивать коньяк водкой была пухлой и очень потной. Пожав руку, Сиров полез в карман за сигаретами и там, под столом, вытер ладонь о штаны. Даже немного помахал ею, чтобы не чувствовать влажность, от которой внутри просто тошнило.

Сигареты лежали в другом кармане, но Виктор потянул левой рукой полу пиджака так, чтобы правой продолжать искать сигареты, тем самым подольше держать ее под столом, вытирая об одежду, чтобы полностью избавиться от отвратительного ощущения. Вытащив пачку, достал левой рукой сигарету, правую он все еще не мог использовать, прикурил, откинувшись за пальму. Правую руку засунул в карман брюк...

Николай ничего этого не заметил, ему и в голову не приходило, что простое рукопожатие может вызывать какие-то чувства, побочные обычному социальному жесту. Сиров еще раз внимательно посмотрел на потного. Он брезговал подобными людьми, а Николай еще был не только с потными руками, но и с изъеденным в прошлом угрями лицом, изрытым и красным... Никакой симпатии такая внешность не вызывала.

— Вот, Виктор Силов, перед тобой сидит профессиональный мудака! — Николай для наглядности откинулся на спинку стула и слегка отмахивался от остатков сигаретного дыма, который проник из-за пальмы.

— Мудака? — лениво удивился Силов.

— Ну, ладно... Лох!

— А может, действительно мудака, — Силов еще раз лениво удивился, но уже не выказав ни словом, ни лицом свое открытие... — «Ну, надо же так обращаться — Виктор Силов!»

— Вот сколько мне лет? — Николай оперся локтями на стол и повертел головой, чтобы можно было рассмотреть возраст подробнее.

Виктор выглянул из-за пальмы и уставился на Николая. Слегка влажное лицо смотрело на Силова — морщин не было: у коlobков морщин не бывает... Но глаза были выцветшими, старыми и бегали влево-вправо быстро и нервно.

— Ровесник, — подумал юбиляр и слегка заскучал. — Вот так и на меня смотрит, наверное, молодежь... — Ну, сороковник — сорок пять. — Силов если и сбросил, то совсем немного, года два.

— Вот! А мы с тобой, может, и ровесники... Тридцать семь... будет в сентябре!

— Старая Дева, — чуть было не вылетело из Силова, но ленивое состояние и вновь возникшая радость от признания его внешней молодости удержали Виктора от уже явной оплеухи. Лох-мудака и без этого был удручен своим состоянием. И, конечно же, свои пятьдесят он открывать Николаю не собирался.

Виктор оглядел бесконечно знакомый ресторан Дома актера. Конечно, никакой это был не ресторан Дома актера — всего лишь аренда. Советские времена закончились — ресторан тогда закрылся, работать было уже невозможно. Какой-то алчущий режиссер попытался устроить здесь свой театрик, но прогорел, хотя сама аренда была исключительно символической. Потом поменялся начальник — и ресторан, правда арендный, вернулся. И вернулся уже в другом качестве — дешевое меню, работал до бесконечности, изыском обслуживания отмечен не был. Но после часу-двух ночи бывали случаи, когда в этом ресторане не протолкнуться. Ну и утром похмелье можно поправить тут, если заранее не подготовиться. Аренду начальник не поднимал — все привыкли, и ресторан даже стал совершенствоваться. Дико модный дизайн московских общепитов на крайних станциях метро стал стилем совершенствования — оранжевые пластиковые стулья и белые круглые столы. Почему-то зеленые кадки для пальм и каких-то мелколистных растений — вот, собственно, и весь дизайн. Одну из стен спрятали за десятком фотографий — тут тебе и Париж, и природа, и любимый город... Любимый, конечно, состоял из церквей, разлитых по городу в неисчислимом количестве, и ночных фотографий, когда все красиво, потому что темно и изредка ярко.

— Да, старая Дева! — Деву, конечно, Силов приплел сюда из-за сентября. Будучи Близнецом, он высмеивал все остальные знаки (когда-то давно завелся роман с астрологичкой, которая развлекала Виктора после утех разными знаниями, запретными при прежней идеологии отечественного мышления).

Положив себе принимать жизнь полностью и с радостью, Виктор потушил сигарету в очередную мотыгу и пытливо-радостно смотрел на лоха Николая...

— А что случилось?

Николай полез во внутренний карман пиджака, вытащил телефон, рассекретил его хитрющим кодом с третьей попытки, порылся во внутренностях мобильного и протянул смартфон Силову:

— На!

— В смысле?

— В смысле смотри — это уже не тайна! Все сам поймешь...

Силлов взял телефон: какие-то селфи интимного состояния женщины и затылка ее партнера.

— Ты листай, листай!

Силлов листнул... Довольное и взволнованное женское лицо получало удовольствие и, вероятно, сознательно фиксировало все это... Кроме лица женщины, кусочка носа и вкусно небритой щеки партнера больше ничего не было.

— На хера ты мне это показываешь?

— Это моя жена!

— А мужик?

— А мужик — это не я!

Силлов отдал телефон и потянулся за сигаретой. Николая стало жаль — не потому, что ему жена изменяет, совсем нет. А стало жаль человека, который носит в телефоне такие фотографии счастливой жены.

— У нее скачал незаметно...

Стало не столько жалко, сколько противно. Ковыряться в чужом телефоне для Силлова было верхом омерзения. Виктор хотел было высказать лоху что-то

отвратительно оскорбительное, но спохватился — он уже как час-полтора живет новой жизнью и принимает все подряд «без борьбы»... Закурив, он снова спрятался за пальму и дымил в щелку открытого окна. Николай налил себе водки, коньяк Виктору и, чокнув стоящий бокал Силова, влил в круглый рот содержимое рюмки. Город стих окончательно, уличные фонари зачем-то притушили — стало темно и тоскливо.

— А мне зачем ты это показываешь? — спросил Сиров, не отрываясь от оконной щели.

— Как мужик мужику... и все! — Виктор не повернулся, Николай украдкой хватанул кусочек сыра... Ну, если смог копаться в телефоне жены, то сыр — это детская шалость!

— Я в этом не специалист. — Сиров решил иначе коротать вечер с телефонным согладатаем. — Я не привязываю к себе никого и сам не привязываюсь...

В этом была правда, скажем так, полуправда. Лишь за-то привязалась. Но привязалась самостоятельно, сам Виктор ничего особенного не делал, не увлекал, не давал надежд. Как запоздалый, но все-таки новый русский он был жарок и холоден только в соответствующие моменты — остальное время занимало молчание и слегка различимое безразличие.

Сиров повернулся и, похоронив очередной окурок, внимательно посмотрел на Николая. Даже поймал себя на мысли, что именно так он смотрит на оркестранта, когда тот в очередной раз издает звук, разрушающий в дирижере гармонию и величие музыки. Это подействовало. Лох кисло улыбнулся и подвинул Виктору бокал невыпитого коньяка. Себе налил водки, которую незаметно принесла официантка...

Выпили не чокаясь, а слегка отсалютовали друг другу посудой. Силов, в свою очередь, подвинул тарелку с сыром Николаю, а сам поднес к носу дольку лимона и держал ее перед собой, слушая исповедь человека, который самостоятельно определил себя как лоха или мудака. Исповедь Николая, покрытого оспой, оказалась обычной тоской и откровением неудачника в женском вопросе.

— Понимаешь, может, и я не привязывал к себе, у меня это плохо получается, но привязался сам — это точно... Я же любил! Я ее любил с первого курса! С ее первого курса! Я у нее вел дошкольное воспитание. То есть уже лет десять! А женаты мы шесть. Понимаешь, мне не нужна была женщина... Ну, в обычном понимании — встречаться, сношаться, расходиться... Я искал мать моих будущих детей! И Светка была единственной студенткой, кто ходил на все лекции. Тем более что я заранее всем сказал, что буду ставить автоматом. А ради нее я даже программу изменил — искал примеры, исследования новые. Это сейчас уже можно найти в Интернете немецкие и финские опыты. А тогда это никому на хер не нужно было, а она слушала и записывала. Когда рассказывал, ну пересказывал, истории из Диккенса, Светка плакала — они, кстати, до меня и не знали, что у Диккенса есть такое. Не читали они ни фиги! Вообще!

Силов перестал нюхать лимон и достал сигарету. Но прикуривать ее не захотел, а держал во рту для имитации. Николай налил водки и потянулся за коньяком для Виктора. Силов отказался, помахав ладонью. Несчастный настаивать не стал. Выпил, съел сыр и продолжал:

— Однажды она вообще пришла ко мне одна. То ли праздник какой был, то ли всех погнали куда-то на встречу с шишкой какой-то, не помню. А она пришла — мы посидели, похихикали, и я ей предложил посмотреть кино. У меня дома. У меня были фильмы — хорошие, настоящие. Она согласилась, мы пошли ко мне. Я включил ей «Амаркорд», ты смотрел?

Силов кивнул.

— Там, конечно, не про дошкольников, но восприятие юного человека там очень сильно показано — на все пофиг, кроме секса... Когда мы смотрели, я понимал, что ей тоже это интересно. И думал, вот она-то и подходит мне!

— Переспали? — Виктор поддержал разговор только затем, чтобы продвинуться дальше в этом рассказе, минуя все эти идиотские переживания.

— Тогда? Нет, ты что! Тогда мы только смотрели, я останавливал фильм и рассказывал ей психологию мальчишек. Ведь это же была практически лекция... Да и потом мы редко это делали — я берег ее для детей...

— Понятно, — стало уже неинтересно. — Педагог?

— Ну да, преподаю в педи. И еще работаю психологом в детском центре. Там деньги неплохие — сейчас это актуально. Особенно у состоятельных родителей. Дети растут, знаешь, как следствие родительского менталитета...

Николай замолчал, потянулся было за водкой. Держа почти пустой графин, спросил:

— А ты что делаешь?

— В смысле? — Силов вдруг очнулся от вопроса.

— Ну, работаешь?

Виктор как-то собрался, потянулся к Николаю, внимательно осмотрел все, что представляло лоха выше стола, потом откинулся за пальму и произнес, слегка растягивая слова:

— Я не работаю... Я вопросы решаю, чувак, — Силлов сам не ожидал от себя такого ответа. Но что-то внутри его запрыгало от этой странной игры, захотелось продолжать. Художественной натуре много не надо — маленький импульс, и все изменилось вокруг: перед нами уже не уставший дирижер, а спокойный, вальяжно самоуверенный тип...

— Ты бандит? — Николай подвинулся так близко, что, казалось, влажная ладонь бугристого лица облепила всего Силова.

— Нет, — закуривая, выдавил из себя играющий в какую-то игру Виктор Силлов, — не бандит.

— Киллер?

Николай совсем прилип к Силлову. Между ними только тонкие пальмовые листья пытались разграничить пространство каждого. Полускрытое ими лицо Николая сейчас глядело в Силова одним глазом и так близко, что можно было разглядеть самого себя в отражении зрачка... Виктор молчал, держа сигарету за окном. Лох-педагог хотел было еще податься вперед, но уже листья не давали такой возможности:

— Дорого?.. Дорого это стоит?

Силова понесло...

— Полтинник, — он зачем-то придумал именно эту цифру. Хотя пятьдесят — число, которое полностью овладело Силловым в этот день.

— До хера. — Николай уселся на свое место. Молчал, молчал, молча налил остатки водки в рюмку и, не

спрашивая, не предлагая составить компанию, самостоятельно выпил.

— До хера? — Сиров улыбнулся, выглянув из-за пальмы.

— Не-не, все нормально. Я понимаю...

Теперь уже Николай сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на Виктора. Так продолжалось еще некоторое время — лох пьянел, трезвел, снова пьянел — это было видно: Николая шатало на стуле, глаза закрывались сами собой. Краснолицый потел, и капельки пота заливались в ямки на лице. Машинально руки его полезли во внутренний карман, достали телефон, сложно рассекретили. Открылись ли глаза у несчастного Николая или нет — непонятно. Но палец пролистывал экран смартфона — по отсвету на носу было заметно, что фотографии менялись. Круглое тело повело в сторону — оно не выдерживало вертикального положения. Еще мгновение — и Николай свалился бы на пол. Сиров потянулся, чтобы удержать за рукав, но тело встрепенулось, глаза открылись, и алкоголь исчез напрочь.

— Убей его, Виктор Сиров! — Николай сидел красный, мокрый и трезвый. Виктор налил себе коньяку и выпил также в одиночку.

Лох полез в портфель, почти с головой ушел в него, перебирая руками содержимое педагогического несессера: брошюрки, тетрадки, листочки...

— Вот, — Николай положил стопку денег перед Сировым. — Остальные сразу же как сделаешь...

Перед Сировым лежала месячная зарплата не дирижера, а худрука. Он смотрел на деньги и бледнел.

«Что делать дальше? Сказать просто и ясно, что это шутка?»

Теперь и Виктора охватил выпитый коньяк — деньги плыли перед глазами, он зажмурился и снова открыл глаза. Не хватало воздуха...

— Я сейчас. — Силов с трудом поднялся со стула и медленно пошел к выходу. Холодный воздух окутал все тело, залезая под воротник рубашки. Это было хорошо, очень хорошо. Виктор задышал глубоко и медленно. Он всегда так делал, когда пьянел, — помогало. И сейчас помогло — надышавшись, Силов пошел в сторону театра. Он мог пойти в любую другую сторону, просто сейчас это не имело значения — все знакомо, да и от театра до дома три минуты... Шаги участились, Виктор трезвел. Он остановился и оглянулся — никого. Пустая улица, даже машин не было.

Сигареты... Он оставил сигареты на столике! Курить хотелось невероятно — купить сейчас, в это время, невозможно. Проверив еще раз карманы пиджака, Силов присел на урну — лавочек никогда на этой улице не было и, скорее всего, не будет.

Силов протрезвел окончательно; разве что голова была тяжелой и непослушной. Она опускалась сама по себе, глаза подло закрывались, хотя Виктор делал все, чтобы восстановить себя и свой рассудок. В конце концов он сдался своему состоянию и даже решил, что так будет лучше. Тело устанет сопротивляться, и он, Силов, возьмет себя в руки. Вот, уже берет, вот уже становится лучше. Опершись руками о края урны, он встал, нелепо повернулся, придерживаясь одной рукой за мусорную вазу, собрался и, оттолкнувшись от грязной своей поддержки, выпрямился.

Все! Силлов вернулся в состояние, которое он контролировал, — стало легко, и обильный пот выступил по всему лицу. Спина тоже была мокрой — организм выкинул тяжесть, хмель, непреодолимую тревогу. Силлов превратился в себя прежнего — он заставил себя улыбнуться, глядя в черную витрину какого-то магазина, и убедился — он улыбается. Мгновение — и Виктор абсолютно уверенной походкой зашагал обратно.

V

У ресторана он проскочил входную дверь и быстро мелькнул мимо окон. Николай сидел на своем месте, накрыв деньги обеими руками. Силлов вернулся в ресторан.

— Мало, — бросил он, садясь за столик. — Человек стоит больше...

— С собой у меня нет, поехали ко мне домой. Я дам, сколько ты скажешь.

К Виктору вернулись уверенность, желание принять мир и не бороться, вернулась жажда легкомысленности, приятной бессмысленности и безответственности. Ему хотелось доиграть свою роль, которую случай назначил ему в этот вечер. И вообще, надо что-то делать — самим собой быть противно уже и неинтересно. Пятьдесят лет он только и делал, что был самим собой — не всегда это показывал, не всегда и сам себе открывал настоящие чувства, но это и было по-настоящему «самим собой» Силова. Вот от этого Виктор устал, и к этому возвращаться не хотелось ни при каких обстоятельствах. Сейчас же было

все совсем другое — Сиров понимал, что, играя в другую реальность, он действительно может открыть новое и интересное в ней, интересное для самого себя.

Первое устрашающее чувство ушло, давно ушло — еще там, сидя на урне. Теперь он хорошо протрезвел и чувствовал себя даже легче и лучше, чем два-три часа назад, когда только вошел в Дом актера и выпил первый глоток коньяка. Потянулся за бокалом — маленьким глоточком пригубил коньяк. Коньяк был хороший — он медленно стекал по стеклу, оставляя жирные следы, — Сиров покручивал бокал в руках, рассматривая со всех сторон маслянистые следы.

— Не надо... И деньги эти забери, потом все отдашь, — процедил сквозь зубы киллер-неофит. — А где он живет?

— Кто?

— Мужик твой... Адрес и как выглядит — есть?

— Есть, все есть. Вот он. — Николай подсунул Сирову смартфон, на экране которого была фотография, какие обычно выставляют в фейсбуке. Парень, полная противоположность Николаю, сидел на фоне какого-то памятника с бокалом вина.

— Австрия? — Сиров достал свой мобильный телефон и сфотографировал этого жизнерадостного человека.

— Хрен его знает, наверное. — Николай взял телефон и стал искать адрес.

Виктор еще раз посмотрел на будущую жертву, уже на своем телефоне, поелозил пальцем по экрану и поднес трубку к уху, отвернувшись от Николая. Пауза была долгой — на том конце никто не отвечал. Собственно, и ответить никто не мог — Сиров набрал

первые пришедшие в голову и в палец цифры, которые даже при тщательном изучении не напоминали номер телефона.

— Привет, — очень тихо наконец-то произнес кому-то Силов. — Бери ручку и пиши...

Виктор отодвинул от себя как можно дальше руку с телефоном и повернулся с затихшему рогоносцу:

— Адрес...

Николай сказал адрес, Силов повторил...

— Сейчас скину фотографию... Вариант В — сроков нет, как сможешь... Ну, как знаешь... Хорошо, я посмотрю сам... Пока.

Виктор легко улыбался и смотрел на Николая, как на ребенка, который мило проштрафился. Тот ждал команды или какого-то решения.

— Деньги свои заberi, и поехали...

— Куда?

— К твоему мужику...Ты расплатился?

— Давно уже, как пересел к тебе... к вам, извините.

Силов отметил это «к вам», его просто распирало от игры, которую он затеял сам для себя. Положив свою тысячу под недопитую бутылку коньяка, игрок и его зритель вышли. Виктор закурил и направился к театру. Николай поплелся за ним. Силов шел героем, он был собран, спокоен и внутренне парил над прежней своей жизнью. У урны, на которой он приходил в себя, притормозил и чему-то улыбнулся своему: «Ни фига себе, куда дошел!»

Театр стоял на острове-пустыре и напоминал своими угрожающими формами на фоне черного неба банно-прачечный комбинат. Ни одного окна не

светилось — всего лишь мрачный склеп для всех попыток произвести на свет музыку, которой гордится человечество. На театр Силов смотрел без всякого трепета или переживания...

Мужчины подошли к нескольким автомобилям, которые пристроились на ночь у театра:

— Правый руль, садись с той стороны, — Виктор щелкнул сигнализацией — фары одобрительно мигнули со всех сторон.

— Ты же выпил, Виктор Силов. — Николай не решался садиться к пьяному водителю.

— А мы медленно поедem и нарушать не будем, садись.

Николай жертвенно сел.

Действительно, ехали не быстро, но уверенно. Район был известен под названием «Живые и мертвые». Еще в советское время там находился один на весь город магазин, где отоваривали по справкам из загса — на свадьбу или на похороны.

Силов протрезвел уже давно и теперь вел машину по навигатору, спокойно стряхивая пепел в приоткрытое окно. Ехали молча — киллер-шулер был очарован своей игрой, Николай же не мог вымолвить ни одного слова. У группы домов, которые при всем уходе жильцов и зелени вокруг все-таки оставались хрущевками — милыми, родными и отвратительными хрущевками, — машина остановилась, и Силов выключил все опознавательные знаки. Что делать дальше, он не знал, но заканчивать так просто начатую игру ему не хотелось.

Первые этажи еще были как-то расцвечены разными вывесками: от молочной кухни до шахматного

клуба. Светодиодный синий конь и красный король манили Каспаровых и Карповых, живущих в этом районе. И, конечно же, без трех аптек да парочки парикмахерских тут тоже не обошлось. Все остальное, что было выше, терялось в темноте неба — ни одного окна, выдающего хоть какую-то жизнь, не было.

— Райончик не фонтанец, — прикуривая очередную сигарету, пробурчал бывший дирижер.

Окно машины было открыто, не холодно, где-то сзади доносился приближающийся мужской гургур. В зеркале заднего вида двое мужчин обсуждали какую-то ерунду. Силов курил и наблюдал за этой парочкой, которая приближалась по тротуару прямо к нему. Нетрезвые, но громкие философы прошли мимо машины, как неожиданно один из них оглянулся и встретился глазами с Виктором.

— Оба-на, — обернувшийся дернул своего товарища. Оба смотрели на машину, выискивая повод для незатейливого общения.

— Закурить не найдется?

Силов, понимая смысл вопроса, молча вытряхнул из пачки две сигареты, протянул руку через окно.

— А деньги?

— Наличных нет...

— Поехали снимем?

— Начальник, торгуй бахилами в больничке — не ищи встречи с правильными людьми. — Силов сказал тихо, но в этой ситуации словно прозвучал гром!

Фразу эту Виктор давно хотел применить — он ее когда-то слышал, сейчас уже не вспомнить, но не в кино. Она тогда произвела и на него, и на того, кому была адресована, неизгладимое впечатление...

— Понял. — Наглость философа без денег и сигарет исчезла даже раньше, чем Силов закончил фразу. К тому же Виктор, почти не дав себе договорить, нажал клавишу на дверной ручке — стекло медленно и уверенно поползло вверх. Ночной шум исчез, вместе с ним исчезли и эти двое, даже испуганное «понял» осталось там, в ночи «Живых и мертвых» — в салоне этого уже никто не слышал.

Тротуар очень быстро опустел, двое свернули за угол дома... Николай молчал, сложив пухлые кулачки перед лицом. Силов сходил с ума от восторга. Чем ему дальше заниматься, он знал, но заканчивать этот день ему не хотелось. Вообще не хотелось ничего! Ни пить, ни курить, ни говорить — Виктор растворился в сегодняшнем вечере без остатка, — так чувствуют себя сидхи у подножия Гималаев — полное слияние с собственным космосом. Вечность текла перед ним...

— Бля-а-а, это он! — Николай зашептал-зашипел прямо в ухо Силону. Тот вздрогнул — в мертвой тишине салона и умиротворения живых и мертвых Гималаев это шипение заставило Виктора вздрогнуть. Он повернулся к толстяку и увидел, как тот нервно дергает пальцем, указывая куда-то за пределы машины. Силов посмотрел — перед ними стояла машина, оттуда уже вылезла мужская спина с красным шарфом — она шла по тротуару и курила...

— Он?

— Да, бля — шарф красный! Он, он... — Николая даже побрасывало в машине от жажды мести.

— Спокойно, Коля. — Силов опустил стекло, стало свежо. Шаги темной спины и красного шарфа спокойно постукивали по ночной тишине.

Виктор, чтобы как-то продержаться еще некоторое время, вышел из автомобиля. Меньше всего ему хотелось вернуться в машину и уехать домой. Два-три глубоких вдоха по своей привычке — вот и спина исчезла за поворотом...

— Ну, теперь поехали, — нехотя и с очевидной досадой процедил Сиров и повернул ключ зажигания. Праворулька-не-праворулька, а завелась мгновенно и тихо. Обещая не нарушать, Виктор не стал разворачиваться через сплошную, а проехал метров пятьдесят туда, где от дороги шел поворот к дому, там повернул.

Какой-то шум и крик разрезали ночь — голос мужчины не кричал, он орал-визжал. Николай и Виктор оглянулись назад. Тени, прыгающие от света вывесок и одинокого фонаря, — все, что можно увидеть.

Мужчина кричал, его били... Стихло так же неожиданно, как и началось. Какие-то силуэты мелькнули несколько раз, попадая в свет парикмахерских, аптек, алкомаркетов... Кто-то уже мчался подальше от происшествия. Одна тень упала, с трудом поднялась и побежала дальше. Еще несколько секунд, и все стихло. Вдруг залаяла собака из окна одного из домов.

Все... Тишина больше не нарушалась...

Все это время Сиров смотрел в сторону крика, ничего не понимая. Выручил Николай:

— Спасибо, бляха... спасибо! Ну, ты крутой, Виктор Сиров!

Николай теребил его за пиджак так активно, что Сиров машинально дернул полу из рук счастливого рогоносца.

Он смотрел на Николая и ничего не говорил. Если раньше можно было сказать, что Сиров протрезвел, то сейчас нужно говорить о том, что он вообще никогда не пил! Сейчас он только молчал и смотрел на Николая!

Анализировать Виктор ничего не мог, он мог только смотреть, и если бы ему можно было исчезнуть волшебным образом, то он сделал бы это, даже не разворачивая машину. Гималаи сменились совсем другими горами...

— Иди посмотри. — Виктор напрягся и произнес несколько слов, которые для Николая были приказом.

— Я боюсь...

— Не ссы, иди... Я подожду...

Круглый Николай разбух в машине и тепле — еле-еле вылез и, все время оглядываясь, поплелся туда, откуда кричала его жертва.

В песочнице валялся красный шарф. Рядом с ним лежал тот самый мужчина, фотографию которого Николай носил в своем телефоне. Голова была разможжена до неузнаваемости. Труба, которая прекратила ад Николая и жизнь владельца шарфа, валялась рядом. Он даже и не дошел до песочницы — все было ясно, и внутри круглолицего затеплилась радость. Радость простая и даже маленькая — но это была радость. Толстяк развернулся и побежал обратно.

Он бежал к машине с той скоростью, которая позволяла этому круглому телу. Сиров включил зажигание и не сдержал обещание — автомобиль-рухлядь-праворулька исчез из «живых и мертвых»... Николай бежал за машиной и через несколько секунд потерялся в ночной темноте.

Дрожащими руками Сиров вставил ключ в дверной замок и несколько раз повернул — в квартире пахло спокойствием. Фильм давно уже кончился, и телевизор вместе с ноутбуком светились традиционным синим светом на всю комнату. Лиза спала... Виктор прошел в кухню, сбросил пиджак, нашел в темноте шкафчика бутылку коньяка и долго-долго высасывал из нее хоть какое-то успокоение. Есть совсем не хотелось, но Сиров зачем-то открыл холодильник и долго смотрел, что можно найти, чтобы как-то заглушить внутреннее биение. Голова безвольно моталась, пытаясь сосредоточиться, но у нее не получалось. Она упала на грудь и тупо смотрела в пол... Внизу на полу валялись тысячерублевые купюры... «Деньги», — сообразила голова и нагнулась за ними. Тело не выдержало, и Сиров рухнул рядом с деньгами и пиджаком.

VI

Самый живой город в мире — Питер. Даже тогда, когда он был Ленинградом. Москва — город не такой... В Москве приехал на Казанский вокзал, ошалел от простора, нырнул в метро и где-то на «Текстильщиках» вышел. На кухне сидишь с другом и совершенно не ощущаешь, что это Москва. А друг все время поучает — «ты тут осторожнее, это тебе Москва». И веришь этому, и не веришь...

В Питере даже за Черной речкой понимаешь — Питер: другие люди, другой воздух, питерский, просто от центра города далековато. И никто не учит жить... Молодежь советская валила в эти два города как чумовая. Тут была жизнь — разная, но настоящая.

В дальнейшем и вырастали — кто с питерским чувством, кто с московским мышлением.

Виктор был «питерский»... Так получилось, что каждое студенческое лето консерватории он ездил в Ленинград к тетке в Автово и жил там, наедаясь на целый год необъяснимой едой. Он ходил по улицам и воображал, что живет здесь давно — это его город, и он просто гуляет. Виктор мечтал... Мечтал изо всех сил жить в этом городе, но приходил конец августа, и эта мечта уезжала в плацкарте в свой мирок фальшивой музыки и провинциальных забот. А пока — июнь — июль, белые ночи... Днем улицы, скверики, подвальные столовки, Петропавловка. А вечером танцы в Молотке — так назывался Дом культуры завода «Серп и Молот». В Молотке собирались люди попроще — поискреннее, что ли... Почти через ночь можно не возвращаться к тетке в Автово — девчонки Питера не ломались, не строили недотрог. Хотя обязательно знакомство доходило до койки, но ночь всегда была чувственна, тепла и болтлива. Важно было только одно — найти девушку с Петроградки, Васильевского, Охты... Тогда ночлег, романтический или просто чай до утра, тебе обеспечен. У женской части Питера не принято прощаться у подъезда ночью, когда уже разведены мосты, а ты живешь, скажем, на Сенной. Этим можно было пользоваться сколько угодно — приглашение домой с предварительным предупреждением или без него было практически протокольным.

Имя стерлось за давностью, но тогда в кровати лежала прекрасная и открытая кудряшка и все время смотрела в глаза. Громко говорить было

нельзя — стены коммуналки питались подобными историями, — говорили шепотом и не включали свет. В окна лилась белая ночь — больше ничего не нужно было... Где-то в глубине дома неожиданно закричала си-бемоль-мажорная кварта: «Союз нерушимый» оповестил мир, что уже шесть часов утра.

— Сейчас спи, — девушка сидела на краю кровати и натягивала майку с Микки Маусом. — Часов в двенадцать все уйдут, и ты можешь спокойно выйти. Или, если хочешь, жди меня — я в четыре вернусь... Ладно, любимый, как хочешь, так и делай. Но часов в пять-шесть встретимся?.. Ключ брось в почтовый ящик.

Кудряшка сняла с себя золотую цепочку с крестиком и надела ее на шею парня. Слегка отпрянув, девочка смотрела на лежащего с полузакрытыми глазами избранника и улыбалась всей своей надеждой и молодостью.

Хлопнула дверь, за стенкой прозвучали радостные «здраси, тетя Катя», и потом еще, уже дальше: глухо хлопнула другая дверь — массивная, старая, огромная...

Силов провалился в сон...

Цепочка ушла в ломбард, а где крестик — уже не вспомнить... Дом, в котором была ночь с гимном, не найти, да и не нужен он совсем. Кудряшка была лимитчицей со стажем и работала на какой-то фабрике. Это не устраивало Силова, его снова влекло на танцплощадку... Правда, в Молоток идти нельзя — ну, есть «Первой пятилетки» на Петроградке для этого.

Где-то через неделю, дней десять, на эскалаторе метро раздался голос: «Эй, подлец! Привет!»

Маленькая соломенная кудряшка спускалась в метро и махала рукой Виктору, который машинально обернулся на крик. Он смотрел на девушку, а девушка смотрела на уезжающего навверх любимого и, кажется, плакала...

Так тридцать лет назад появился тот Силов, который сейчас лежал без сознания на кухне у открытого холодильника.

VII

Дня три Виктор не поднимался с постели. Не мог... В первый раз он заметил в себе эту странность — в минуту высшего напряжения отнималось всякое сознание, и только сон в забытии одолевал его — в первый раз, когда он пролетел на экзамене при поступлении в консерваторию. Когда он прочитал список поступивших и, не найдя себя, сумел дойти только до подоконника между двумя пролетами лестниц. Тогда он забрался на этот подоконник и тут же уснул. И только почти под утро его разбудила уборщица...

Нынешняя ситуация была покрепче — Силов не мог вспомнить ничего: какое сегодня число, сколько он спал, ходил ли в театр. Проснувшись, Виктор еще долго лежал недвижимо и только потом открыл глаза. Вся комната была залита солнечным светом. Он осмотрелся — в одних трусах он лежал под одеялом, не понимая, не помня, как он очутился в квартире и что было, перед тем как он заснул. Потянувшись к спинке стула, Силов полез в карман за телефоном. Карман был полностью напичкан купюрами в одну тысячу рублей! Телефон оказался в другом кармане.

Но смысла в нем не было никакого — разряжен и отключен. Виктор нажимал на кнопки, пока не сообразил, что надо найти шнур от телефона... Он приподнялся на кровати и медленно вращал головой — или искал шнур, или вспоминал, где он мог быть. Хвостик шнура валялся на полу у кровати — это Сиров заметил. Он подключил смартфон и терпеливо ждал... Через минуту появилась эмблемка батарейки с тоненькой красной полоской. Исчезла... Виктор ждал — это не составляло труда, двигаться совсем не хотелось. Да и невозможно было — он еле-еле соображал, что уж тут говорить о большем.

Лизы не было в квартире — абсолютная тишина. Виктор сидел на кровати и держал в руках телефон. Это могло бы длиться вечность, но в руках Силова заурчало, завибрировало, и серебряное яблоко на черном экране напомнило о себе...

Еще немного, и телефон включился — нескончаемое количество раз пикнул — сколько он спал? Мир, который не переставал жить, нуждался в Сирове — куча сообщений и столько же неотвеченных звонков...

Наконец-то глаза уловили время и дату — Виктора не было больше двух суток — так утверждал мобильный телефон...

Два дня! Сиров безвольно поднял голову и посмотрел в окно — солнце залепило лицо, Виктор зажмурился и снова лег. Он не чувствовал ничего. Не было больно, голова, если не считать полного безразличия к внешнему, была ясная. Еще полежав минуту-другую, Сиров поднялся с кровати и пошел в ванную. По пути он вспомнил про свой традиционный стакан